

КАКСИН Андрей Данилович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан, Республика Хакасия). Автор 340 научных публикаций*

ЧЕРТЫКОВА Мария Дмитриевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан, Республика Хакасия). Автор 192 научных публикаций**

К ВОПРОСУ О ВЫРАЖЕНИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ: ИНФЕРЕНТИВ, ЦИТАТИВ И АДМИРАТИВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена актуальной лингвистической задаче – поиску дополнительных аргументов в пользу концепции, разделяющей языковые категории модальности и эвиденциальности (путем подбора конструкций, в которых содержится указание на иной, а не говорящего, взгляд). В связи с этим обсуждаются особенности выражения инферентивного, цитативного и адмиративного значений в русском языке. В иллюстративной части – в развитие приемов анализа художественных текстов – использованы фразы (предложения) из произведений Л.Н. Толстого 1872–1890 годов и романа Д.С. Мережковского «Смерть Богов (Юлиан Отступник)» (1896). Как показывает выборка, данные тексты отличаются частым употреблением искомым конструкций (суждений о действии по результату, отсылок к чужому мнению, риторических вопросов, восклицаний, восхищений, вопросов типа *Должно, люди обидели?* и др.). В работе подчеркивается, что в русском языке выражение эвиденциальной семантики осуществляется средствами разных уровней: фонетического, морфологического, синтаксического. Эти средства могут комбинироваться в пределах одной фразы, например: *Вот я и домой съездил, женился! Нет, уж, видно, не судьба моя.* В результате анализа подобных примеров автор приходит к выводу, что в русском языке для выражения инферентива, цитатива и адмиратива могут быть использованы разные типы предложений (с соответствующими формами подлежащего и сказуемого), произносимые с определенной интонацией. Во всех случаях важную роль играют сопутствующие элементы контекста, а именно вводные слова, частицы, междометия.

Ключевые слова: эвиденциальность, модальность, инферентив, цитатив, адмиратив, Л.Н. Толстой, Д.С. Мережковский.

Как известно, в европейской лингвистике после выхода в 1957 году знаменитой работы Р.О. Якобсона [1] возникла широкая дискуссия

о категории «evidence», «немодальных» формах и грамматикализации эпистемологических значений [2–4]. В отечественном языкознании

---

*Адрес: 655000, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Ленина, д. 90; e-mail: adkaksin@yandex.ru

**Адрес: 655000, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Ленина, д. 90; e-mail: chertikova@yandex.ru

Для цитирования: Каксин А.Д., Чертыкова М.Д. К вопросу о выражении эвиденциальных значений: инферентив, цитатив и адмиратив в русском языке // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 2. С. 22–30. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.2.22

интерес к проблеме появился, после того как труд Р.О. Якобсона вышел в переводе на русский язык [5]. И в том, и в другом случае в результате оформилась наиболее продуктивная генеральная линия: рассматривать в противопоставлении модальным, отдельно от них, те языковые средства, которые используются для указания на источник (или способ) получения информации или выражения неожиданности информации для говорящего.

Другими словами, оттенки, не вписывающиеся в сферу модальности, стали считать особой языковой категорией; также был очерчен круг языков, где для выражения эвиденциальных значений существует система специальных грамматических форм [6–15].

В настоящей статье мы стремимся найти дополнительные аргументы в пользу концепции, в рамках которой определяется отличие эвиденциальных значений от модальных. Мы исходим из того, что в каждом из языков (или в группе родственных языков) – свой набор средств выражения эвиденциальности, однако просматриваются и некоторые общие, типологические, явления в эвиденциальной сфере.

Выражение инферентивного значения.

Значение инферентива определяется как ‘указание на то, что наблюдается не само действие, а его результат’. Чаще всего это значение представлено формами перфекта и плюскваперфекта (если они есть в языке). В русском языке подобная семантика обычно выражается формами прошедшего времени (определенную роль играют другие, сопутствующие, элементы контекста):

– Но-о! успеешь! **проголодались!** – сказал старый табунщик, отворяя скрипящие ворота¹.

Заключение о том, что лошади проголодались, основано на жизненном опыте и логике:

до этого момента на конном дворе «слышалось фырканье, возня по соломе и даже сердитое визгливое ржанье столпившихся <...> лошадей»².

Синтаксис в русском языке разнообразен, и для констатации некоторого факта (результата), случившегося вследствие счастливого стечения обстоятельств, употребляются и другого рода конструкции:

– *Вишь какой шустрый*, – говорил конюх, – *не удержишь*³.

В данном случае к такому, конкретно-образному, выводу говорящего «подталкивают» его знания, жизненный опыт. В целом такой оттенок укладывается в общую семантику инферентива, а формально представлен назывной конструкцией с имплицитным глаголом: *Вишь какой шустрый [уродился]*.

Приведем подобные примеры (оттенок ‘о действии – по результату’ выражен в реплике или внутренней мысли/рассуждениях персонажа):

«А сам думает: “Он *и вправду расслаб*; что мне с ним делать? Бросить товарища не годится”»⁴;

«Сразу почуяла Матрена дух винный от мужа: “*Ну, думает, так и есть, загулял*”»⁵.

Таким образом, при употреблении форм прошедшего времени глагола (даже когда он элиминирован) в русском языке наряду с перфектным (или каким-либо другим контекстуальным) значением может присутствовать и инферентивный смысл: что-то подсказало говорящему, что совершилось (или совершится) именно это действие.

– Нет, – говорит, – уж мне, *видно*, отсюда **не выйти**. Куда я пойду, когда *и поворотиться нет сил*?⁶

Здесь временная перспектива направлена в будущее; инферентивный оттенок выражен ярко, отчетливо (есть также и обоснование).

¹Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 10. Произведения 1872–1890 годов. М., 1958. С. 96.

²Там же.

³Там же. С. 108.

⁴Там же. С. 23.

⁵Там же. С. 34.

⁶Там же. С. 27.

Можно привести и другие примеры, позволяющие прояснить семантику инферентива в русском языке.

– Вот я и домой **съездил, женился!** Нет, уж, видно, не судьба моя⁷.

В данном примере – неправдоподобие, а это именно тот прагматический смысл, который часто соотносится (взаимодействует) с инферентивом: говорящий отстраняется от некоей правильной позиции, афиширует то, чего не было. Другими словами, в таком высказывании сквозит насмешка, злая ирония. На наш взгляд, подойдет и определение «пародия», и тогда подобный речевой образец можно рассматривать как своеобразный критический мини-текст [16, с. 52].

Приведенные ниже предложения являются частью нарративного повествования автора (произведения), при этом во всех случаях реализуется (репрезентируется) тот или иной оттенок инферентива: что-то подсказывает, что действие, о котором идет речь, было не случайно.

«Лошадь под Жилиным была охотничья (он за нее сто рублей заплатил в табуне жеребенком и сам выездил); как на крыльях, **взнесла** его на кручь»⁸.

Грамматическое значение конструкции – в целом перфектное, но в то же время присутствует оттенок инферентива: действие «как на крыльях, **взнесла**» было предсказуемо именно тем, что лошадь «была охотничья», хозяин ее «сам выездил».

«Жилин видит – дело плохо. Ружье **ухало**, с одной шашкой **ничего не сделаешь**»⁹.

Здесь двойная цепочка логических связей (умозаключений), ведущих к осознанию героем своего гибельного положения: одна шашка не поможет, а товарищ (с ружьем) покинул поле боя.

«Так и ахнул Жилин – *узнал Костылина*. И его **поймали**»¹⁰.

В этих кратких предложениях установлена прямая связь между действиями: раз привели Костылина – стало быть, его поймали.

«Отвели Жилина с Костылиным в сарай, принесли им туда соломы кукурузной, воды в кувшине, хлеба, две черески старые и сапоги истрепанные, солдатские. Видно – **с убитых солдат стащили**»¹¹.

И опять действие восстанавливается по результату: сапоги ношенные – значит, их стащили с убитых.

Как видим, инферентив в русском языке выражается обычно формами прошедшего времени. Когда речь идет о непосредственном восприятии и предположении, в русском языке употребляются также формы настоящего, будущего времени и инфинитива. Во всех случаях важную роль играют сопутствующие элементы контекста: вводные слова, частицы, междометия. Суть искомого значения можно представить формулой: говорящий наблюдает (или наблюдал) не само действие (событие), а его результат. От ситуации к ситуации разнится путь (или тип) установления связи между именно этим результатом и именно этим действием (событием). Такая вариативность обусловлена, конечно, чрезвычайным разнообразием форм человеческой жизни.

Выражение цитативного и адмиративного значений. Русский язык, безусловно, насыщен разнообразными выразительными средствами для передачи значений пересказа (и цитирования), и в нем чрезвычайно развита система средств, призванных выражать, усиливать, подчеркивать афористичность и субъективность речи говорящего. В русской разговорной речи это стремление к выражению чужой (так же, как и своей) точки зрения проявляется наиболее ярко: средства разных языковых уровней привлекаются с целью вернуть чье-либо мнение,

⁷Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 29.

⁸Там же. С. 8.

⁹Там же. С. 9.

¹⁰Там же. С. 14.

¹¹Там же. С. 15.

сделать упор на некую «общую истину», создать иную удобную отсылку. Часто такие формулы, если они особо устойчивы, могут сокращаться; это происходит и в случаях, когда они вводятся с помощью словоформ, производных от глаголов речи, мысли, оперирования информацией:

– Никто меня не обидел. Меня бог наказал.

– *Известно, все бог*¹².

Для русского языка, как никакого другого, особенно характерно, что формулами отсылки могут выступать некоторые общие истины: например, божественные откровения, в другой форме – пословицы и поговорки. Очень часто формулы отсылки вводятся в текст без употребления конструкций типа *известно, что; считается, что; понятно, что*:

«Злые не могут чувствовать восторга; только мудрый делается лирой, которая вся дрожит и звучит под рукою Бога»¹³.

Одно из самых сложных (в смысле семантического устройства) модально-оценочных (и эвиденциальных) значений – адмиративное – очень ярко выражается во всех языках. Лингвисты долгое время рассматривали эту семантику как модальную, свойственную конструкциям, обозначающим сомнение, неодобрение, иронию (при пересказе) или удивление по поводу неожиданных для говорящего фактов¹⁴.

В лингвистической литературе неоднократно ставился вопрос о прототипическом значении адмиратива. В частности, В.С. Храковский считает, что функцией адмиратива является выражение информации, которая не интегрирована в картину мира говорящего [17, с. 624].

Таким образом, по мнению большинства лингвистов, с помощью форм адмиратива репре-

зентируется «неожиданное открытие». Определенные формальные маркеры можно, полагаем, выявить при анализе конкретных предложений с подобной семантикой. И вот какого рода фразы мы обнаружили в тексте романа Д.С. Мережковского «Смерть Богов (Юлиан Отступник)».

«Что вы делаете, негодяи? Как смеете оскорблять посланного императором Констанцием?»¹⁵

Здесь в одной фразе – два вопроса: первый – недоуменный, вызванный полным отсутствием информации; второй – риторический, обусловленный несоответствием ожидаемого (очевидного, регламентируемого) реально фиксируемому стилю поведения (в данном случае – при виде царственных особ и приставленных к ним лиц).

«А ты и поверил, что люди вверх ногами ходят?»¹⁶

«Почитай-ка о Сократе у Диогена Лаэртца, – сообщал он Юлиану злорадно, – найдешь, что он был ростовщиком; кроме того, запятнал себя гнуснейшими пороками, о коих и говорить непристойно»¹⁷.

«Нет, вы только скажите мне, мужи-братья, разве это хорошо? Хлеб дорожает каждый день; люди мрут как мухи. И вдруг... нет, вы только рассудите, пристойно ли это?»¹⁸

Из приведенных примеров выводится следующее представление об исходной семантике форм адмиратива: с их помощью вербализируется некоторое результативное действие, свойство, явление, достойное восторженного или негодующего отклика говорящего. В этом случае искомый содержательный смысл можно выразить формулой: неожиданное, случайное обнаружение чего-либо и/или недоумение по поводу открывшихся фактов.

¹²Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 33.

¹³Мережковский Д.С. Смерть Богов (Юлиан Отступник): Роман. М., 1991. С. 42.

¹⁴Ляпон М.В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 303.

¹⁵Мережковский Д.С. Указ. соч. С. 15.

¹⁶Там же. С. 18.

¹⁷Там же.

¹⁸Там же. С. 32.

Комбинирование эвиденциальных значений. Роль междометий. Если ставится цель дальнейшей детализации, то оттенки адмиративности следует соотносить прежде всего с другими значениями эвиденциальности (как особой языковой макрокатегории, пересекающейся с модальностью, но не совпадающей с ней). В этом случае необходимо констатировать, что в одном предложении могут совмещаться два эвиденциальных значения: например, в пересказ чужих высказываний могут вплестаться неодобрение, ирония, сарказм, удивление.

В проанализированных текстах встретилось много сложных случаев, где эвиденциальные значения совмещаются и их трудно разграничить. Вот лишь небольшой ряд таких примеров.

«Хорошенько не разобрал он, а *догадывается*, что русские **близко подошли**, и *боятся* татары, **как бы** в аул **не зашли**»¹⁹.

Здесь налицо – трактовка чужих слов: прямо указано на догадку (по обрывкам фраз), о чем говорят собравшиеся люди.

«И думает Семен: “Мало ли какие дела *бывают*”»²⁰.

В данном случае в кавычках вводится внутренняя речь, представляющая собой общепринятое допущение (можно рассматривать ее и как синоним формулы *На все воля божья*).

– Что же не говоришь? **Не зимовать же тут**. Надо к жилью²¹.

Здесь выражается значение очевидности, подкрепленное указанием (ссылкой) то ли на опыт конкретных людей, то ли на всеобщий фонд знаний.

В процессе анализа семантики таких высказываний необходимо учитывать роль интонации, мимики, жеста, особенно если во фразе (в предложении) присутствует междометие. Изменение звукового облика междометий

открывает большие возможности для смысловых дифференциаций. Экспрессивная значимость эмоциональных междометий может быть усилена словообразовательно (например, суффиксами субъективной оценки) и лексически (например, сложением с местоимением). Эмоциональные междометия имеют свойство вступать в связи с другими словами, преимущественно с местоимениями. Междометия, обслуживающие сферу волеизъявлений, выражают обращенные к людям или животным команды и призывы. В эвиденциальных контекстах употребляются междометия, при помощи которых: требуют тишины/внимания/согласия (*ти, тсс, чи, ш-ш, чу, чур*), побуждают к отклику/осуществлению или прекращению каких-либо действий (*ау, эй, ась, айда, ату, брысь, кыш, цыц, марш, ну, тпру*) и др. Многие подобные междометия функционально близки к повелительному наклонению и обнаруживают ряд общих с ним признаков, в частности могут вступать в связи с местоимениями (*чур меня, ату его, ну вас, айда к нам*).

Итак, междометия в языке очень близки к модальным частицам и образным словам, но отличаются краткостью, большей выразительностью, категоричностью, т. к. с их помощью можно более эмоционально выразить то или иное чувство, причем одно и то же междометие будет по-разному звучать в разных речевых ситуациях. Иными словами, слова этой группы легко развивают вторичные, экспрессивно-эмоциональные, значения и употребляются в качестве средств выражения удивления, возмущения, нетерпения, несогласия, недоумения и других чувств. Примеры:

– Ты что же это, – говорит на себя, – Семен, делаешь? Человек в беде помирает, а ты заробел, мимо идешь. **Али** дюже разбогател? боишься, ограбят богатство твое? **Ай**, Сема, неладно!²²

¹⁹Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 25–26.

²⁰Там же. С. 33.

²¹Там же.

²²Там же. С. 32.

– Не подкрепиться ли? *А?* Как вы думаете, друзья мои?²³

– *Но* какой ум, какой ум, Юлиан! Мне было за ней спокойно, как за каменной стеной. *Ну*, уж мы зато и пошалили, повеселились – всласть²⁴.

Таким образом, в русском языке эвиденциальная семантика выражается средствами всех уровней и нет особой системы грамматических форм для разных значений. Эвиденциальный элемент в художественном тексте дает возможность представить объемную картину происходящего, точку зрения разных персонажей (а также и авторский взгляд) [18, с. 620].

В художественных текстах всегда высока доля применяемых автором эвиденциальных средств. Мы считаем, что анализ таких произведений следует признать одним из самых действенных методов выявления оттенков адмиративного значения. Если говорить шире, то неисчерпаемый материал русского языка в перспективе поможет дать более подробный ответ на вопрос, какие еще смыслы можно отнести к эвиденциальной сфере.

Категория эвиденциальности представлена в каждом из естественных языков: она позволяет говорящему сделать отсылку, не заявлять себя в качестве первого и/или единственного источника информации. Мы хотели показать,

что категория эвиденциальности (а это, повторимся, не только пересказ, но также выражение неочевидности действия и неожиданности восприятия) в русском языке чрезвычайно развита. Но русский – это один из тех языков, где указанная категория часто используется с привлечением интонационных средств, что чрезвычайно затрудняет ее выделение. Очень часто разные оттенки эвиденциальности бывают вплетены в нарративный контекст [19, с. 358–360].

Согласно результатам исследований, в русском языке наличествуют определенные средства, позволяющие констатировать то или иное эвиденциальное значение. Конкретизации часто способствует интонационный рисунок фразы (в этом процессе активно участвуют и междометия). Чрезвычайно важную роль играют также лексические и лексико-грамматические средства (частицы, вводные слова, инфинитивные обороты, порядок слов). С учетом совокупности разных средств выявляются особые конструкции (переходного типа): одни из них находятся в срединной зоне, между сферами субъективно-оценочной модальности и эвиденциальности, а другие представляют комбинацию разных оттенков эвиденциальных значений.

Список литературы

1. Jakobson R. Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb. Cambridge: Harvard University, 1957. 14 p.
2. Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology / ed. by W. Chafe, J. Nichols. Norwood: Ablex Pub. Corp., 1986. 352 p.
3. Willett T. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality // Stud. Lang. 1988. Vol. 12, № 1. P. 51–97.
4. DeLancey S. Mirativity: The Grammatical Marking of Unexpected Information // Linguist. Typology. 1997. Vol. 1, № 1. P. 33–52.
5. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / отв. ред. Б.А. Успенский. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
6. Бондарко А.В. Модальность: вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 59–67.

---

²³Мережковский Д.С. Указ. соч. С. 39.

²⁴Там же. С. 62.

7. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // *Вопр. языкознания*. 1994. № 3. С. 92–104.
8. Хадарцев О.А. Эвиденциальные значения перфекта в персидском языке // *Исследования по теории грамматики*. Т. 1. Глагольные категории. М.: Рус. слов., 2001. С. 115–135.
9. Ильина Л.А. Эволюция эвиденциальных высказываний в самодийских языках // *Языки коренных народов Сибири*. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2006. Вып. 18. С. 79–119.
10. Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвист. исслед. РАН; отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. 634 с.
11. Михайлова В.А. Реализация категории эвиденциальности в немецком и русском языках // *Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та*. 2009. № 2. С. 171–177.
12. Шакирова Р.Д. Инференциальная эвиденциальность и ее разновидности в современном немецком языке // *Вестн. Вятск. гос. гуманит. ун-та*. Сер.: Филология и искусствоведение. 2010. № 2(2). С. 89–93.
13. Григоренко М.Ю. Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород: Белгор. гос. ун-т, 2011. 23 с.
14. Каксин А.Д. Категория эвиденциальности в хантыйском языке (к вопросу об «эвиденциальном поясе Старого света») // *Историко-культурное наследие Хакасии: материалы Междунар. науч. конф., г. Абакан, 20–21 октября 2011 года*. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2011. С. 229–242.
15. Каксин А.Д. «Шлет царю-де свой поклон»: репрезентация эвиденциальности в сказках А.С. Пушкина // *Вестн. славян. культур*. 2017. № 4. С. 148–154.
16. Лошаков А.Г. Пародия как литературно-критический текст // *Вестн. Помор. ун-та*. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2003. № 2(4). С. 48–57.
17. Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, адмиративность // *Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвист. исслед. РАН; отв. ред. В.С. Храковский*. СПб.: Наука, 2007. С. 600–632.
18. Чертыкова М.Д., Чугунекова А.Н. Эвиденциальный контекст как способ характеристики человека в сказках М.А. Шолохова // *Мир науки, культуры, образования*. 2017. № 6(67). С. 619–621.
19. Плузган В.А. «Нарративный инфинитив» в русском языке: к классификации контекстов // *Лингвистический беспредел – 2: сб. науч. тр. к юбилею А.И. Кузнецовой*. М., 2013. С. 352–360.

References

1. Jakobson R. *Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb*. Cambridge 1957. 14 p.
2. Chafe W., Nichols J. (eds.). *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology*. Norwood, 1986. 352 p.
3. Willett T. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality. *Stud. Lang.*, 1988, vol. 12, no. 1, pp. 51–97.
4. DeLancey S. Mirativity: The Grammatical Marking of Unexpected Information. *Linguist. Typology*, 1997, vol. 1, no. 1, pp. 33–52.
5. Jakobson R.O. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkiy glagol [Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb]. Uspenskiy B.A. (ed.). *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [The Principles of Typological Analysis of Languages of Different Structures]. Moscow, 1972, pp. 95–113.
6. Bondarko A.V. Modal'nost': vstupitel'nye zamechaniya [Modality: Introductory Remarks]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of Functional Grammar: Temporality. Modality]. Leningrad, 1990, pp. 59–67.
7. Kozintseva N.A. Kategoriya evidentsial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) [The Category of Evidentiality (Problems of Typological Analysis)]. *Voprosy yazykoznanija*, 1994, no. 3, pp. 92–104.
8. Khadartsev O.A. Evidentsial'nye znacheniya perfekta v persidskom yazyke [Evidential Meanings of the Perfect Tense in the Persian Language]. *Issledovaniya po teorii grammatiki. T. 1. Glagol'nye kategorii* [Studies on the Theory of Grammar. Vol. 1. Categories of the Verb]. Moscow, 2001, pp. 115–135.
9. Il'ina L.A. Evolyutsiya evidentsial'nykh vyskazyvaniy v samodiyskikh yazykakh [Evolution of Evidential Utterances in Samoyed Languages]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Indigenous Languages of Siberia]. Novosibirsk, 2006. Iss. 18, pp. 79–119.

10. Khrakovskiy V.S. (ed.). *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the Languages of Europe and Asia]. St. Petersburg, 2007. 634 p.
11. Mikhaylova V.A. Realizatsiya kategorii evidentsial'nosti v nemetskom i russkom yazykakh [Realization of the Category of Evidentiality in the German and Russian Languages]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2009, no. 2, pp. 171–177.
12. Shakirova R.D. Inferentsial'naya evidentsial'nost' i ee raznovidnosti v sovremennom nemetskom yazyke [Inferential Evidentiality and Its Types in the Modern German Language]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Ser.: Filologiya i iskusstvovedenie*, 2010, no. 2, pp. 89–93.
13. Grigorenko M.Yu. *Funktional'no-semanticheskoe pole evidentsial'nosti v sovremennom russkom yazyke* [Functional-Semantic Field of Evidentiality in the Modern Russian Language: Diss. Abs.]. Belgorod, 2011. 23 p.
14. Kaksin A.D. Kategoriya evidentsial'nosti v khantyyskom yazyke (k voprosu ob “evidentsial'nom poyase Starogo sveta”) [The Category of Evidentiality in the Khanty Language (on the “Old World Evidential Belt”)]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Khakasii* [Historical and Cultural Heritage of Khakassia]. Abakan, 2011, pp. 229–242.
15. Kaksin A.D. “Shlet tsaryu-de svoj poklon”: reprezentatsiya evidentsial'nosti v skazkakh A.S. Pushkina [“...Sends Best Greetings to the King”: Representation of Evidentiality in A.S. Pushkin's Fairy Tales]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 2017, no. 4, pp. 148–154.
16. Loshakov A.G. Parodiya kak literaturno-kriticheskiy tekst [Parody as a Literary-Critical Text]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2003, no. 2, pp. 48–57.
17. Khrakovskiy V.S. Evidentsial'nost', epistemicheskaya modal'nost', admirativnost' [Evidentiality, Epistemic Modality, Mirativity]. Khrakovskiy V.S. (ed.). *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the Languages of Europe and Asia]. St. Petersburg, 2007, pp. 600–632.
18. Chertykova M.D., Chugunekova A.N. Evidentsial'nyy kontekst kak sposob kharakteristiki cheloveka v rasskazakh M.A. Sholokhova [Evidence Context as a Means to Characterize a Person in Stories by M.A. Sholokhov]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2017, no. 6, pp. 619–621.
19. Plungyan V.A. “Narrativnyy infinitiv” v russkom yazyke: k klassifikatsii kontekstov [The “Narrative Infinitive” in the Russian Languages: On Classification of Contexts]. *Lingvisticheskiy bespredel – 2* [Linguistic Lawlessness – 2]. Moscow, 2013, pp. 352–360.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.2.22

Andrey D. Kaksin

Katanov Khakass State University;
ul. Lenina 92, Abakan, 655000, Respublika Khakasiya, Russian Federation;
e-mail: adkaksin@yandex.ru

Mariya D. Chertykova

Katanov Khakass State University;
ul. Lenina 92, Abakan, 655000, Respublika Khakasiya, Russian Federation;
e-mail: chertikova@yandex.ru

ON EXPRESSING EVIDENTIAL MEANINGS: INFERENCE, CITATION AND MIRATIVE IN THE RUSSIAN LANGUAGE

This article is devoted to the highly relevant issue of finding more arguments in favour of the concept that differentiates between the linguistic categories of modality and evidentiality (by choosing constructions that indicate an opinion different from the speaker's). In this connection, the author

---

For citation: Kaksin A.D., Chertykova M.D. On Expressing Evidential Meanings: Inference, Citation and Mirative in the Russian Language. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 2, pp. 22–30. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.2.22

studied peculiarities of expressing inference, citation and mirativity in the Russian language. Methods of literary text analysis are illustrated with phrases (sentences) from Leo Tolstoy's works (1872–1890) and from Dmitry Merezhkovsky's novel *The Death of the Gods. Julian the Apostate* (1896). The sample demonstrated frequent use of the constructions under study (judgements about the action by the result, references to someone else's opinion, rhetorical questions, exclamations, expressions of admiration, questions of the type “*Dolzhno, lyudi obideli?*” and others). Evidential meaning is expressed in the Russian language through the means of different levels: phonetic, morphological, and syntactic. These means can be combined within a single phrase: *Vot ya i domoy syezdil, zhenilsya! Net, uzh vidno ne sud'ba moya.* The analysis of such examples allowed the author to assume that inference, citation and mirativity in the Russian language can be expressed using different types of sentences (with relevant forms of subject and predicate) pronounced with a certain intonation. In all the cases, an important role is played by the elements accompanying the context, such as parentheses, particles and interjections.

Keywords: *evidentiality, modality, inference, citation, mirative, Leo Tolstoy, Dmitry Merezhkovsky.*

Поступила: 14.10.2018

Принята: 24.01.2019

Received: 14 October 2018

Accepted: 24 January 2019